23. XI. 46.

Б. БРАЙНИНА

Новое о Чехове

Нет ни одного великого писателя прошлого, которого критика и наука о литературе толковали бы так неверно, как Чехова. Ложные, либерально-народнические теории о пессимизме, равнодушии, холодности, безидейности Чехова просочились и в современное литературоведение. Поверхностный, односторонний взгляд на 80-е годы, как на эпоху сплошного мрака, способствовал распространению этих обветшалых теорий.

В наши дни, после недавнего юбилея Чехова, который так горячо отметила вся советская страна, назрела насущная необходимость в большой работе, в принципиально новой оценке творчества Чехова, в книге о подлинном Чехове.

Издательство «Молодая гвардия» возобновило выпуск серии «Жизнь замечательных людей» книгой В. Ериилова «Чехов».

Книгу о Чехове, книгу воинствующую, борющуюся с ложными теориями, написал В. Ериилов. В ней дается трезвый, марксистский анализ творчества Чехова. Книга В. Ериилова — ценный вклад в наше литературоведение. Идеи-воспитательное и научное значение работы В. Ериилова усиливается ее высокими литературными достоинствами: это талантливая повесть о жизни великого писателя и замечательного человека.

«Легенда, — пишет В. Ериилов, — о том, что у Чехова не было мировоззрения, — легенда, над которой Горький издевался еще в 1900 году, но имеющая распространение и в наше время, — была создана либерально-народнической критикой, которая хотела уложить великого писателя в прокрустово ложе своих узких, обветшалых, шедших вразрез с жизнью, схемочек и догм».

В главе «Ласковый враг», раскрывающей взаимоотношения Чехова с Сувориным, говорится о «суворинской опасности», о той сложной и хитрой паутине, которую плели вокруг Чехова консерваторы и либералы.

Исключительная сила воли, соединенная с гениальным чутьем, помогла Чехову постепенно преодолеть и лезть и козни врагов, понять необходимость коренного перелома, борьбы. Но Чехов не видел основного участника этой борьбы — пролетариата.

Горячо любя русскую демократическую интеллигенцию, великий писатель трагически переживал невозможность найти в ней опору.

В анализе противоречий Чехова В. Ериилов опирается на ленинскую характеристику эпохи. Сравнивая 80-е годы с тюрьмой, Ленин в то же время указывал, что именно тогда «всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мирозерцания».

Чехову удалось, — пишет В. Ериилов, — «выразить подводное течение... — подтекст эпохи. В своем творчестве Чехов стал одним из гениальных участников того процесса «подведения итогов прошлому» и выработки нового мировоззрения, который составил внутреннее содержание периода восьмидесяти-девяностых годов в жизни нашей родины». Трудным и ответственным было в то время дело демократической литературы. — это Чехов очень остро ощущал. Одна из основных тем его творчества — призыв к протесту («в неиссякающем протесте вся соль жизни»), разоблачение слабости, безидейности русской интеллигенции. Не восьмидесятые годы виноваты в ленинских и дряблости, а вялые и дряблые виноваты, что жизнь стала тюрьмой, что трудно дышать человеку. Всем своим творчеством Чехов как бы говорил русской интеллигенции: «Мы все виноваты, что жизнь плоха. Мы обязаны изменить жизнь. Мы все ответственные перед народом».

Творчество Чехова, — пишет В. Ериилов, — «стало отражением кануна первой русской революции, было охвачено революционным предчувствием... Но отсутствие представления о путях, какими придет родина к радостной и справедливой жизни, о тех силах, которые поведут ее к расцвету, об исторической роли рабочего класса — все это не могло не создавать в его произведениях настроений неуверенности, тоски даже и тогда, когда в этих произведениях звучала мелодия завтрашнего счастья. Картина русской жизни, нарисованная Чеховым, была неизбежно неполной... Он не мог создать образ социально активного, способного к упорной борьбе, цельного человека».

С первых страниц книги В. Ериилова читатель дышит атмосферой благородной борьбы великого писателя за свой талант, ибо талант — это «культура таланта», это — труд, это смелость, знание жизни, высокая идейность.

В полумещанской, полукупеческой семье

растут три брата: Александр, Николай и Антон. Все трое от природы талантливы, все трое любят родину, хотят служить ей своим искусством. Но только один — Антон Чехов оказался достойным своего таланта. История Александра Чехова, — пишет В. Ериилов, — «это история человека, не овладевшего своим талантом и ушедшего от творческого труда к ремесленничеству». У Александра нехватило воли, моральной стойкости для поисков правды, высокого мировоззрения, без которого искусство становится мелким и фальшивым. Еще более трагична судьба Николая. Растратив на мелочи жизни свой дар живописца, он гибнет в ранней молодости. В. Ериилов цитирует мудрое, справедливое и сегодня, письмо А. Чехова к брату Николаю о воспитании воли, о «воспитанных людях»: «если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суестью... Они горды своим талантом, сознавая, что они призваны воспитывать... Тут нужны беспрекословный дневной и ночной труд, вечное чтение, студировка, воля... Тут дорог каждый час». Нежно любя своих братьев, Чехов, как показывает В. Ериилов, вел борьбу за них, и эта борьба была для него не только делом братской любви. «Нет, тут была и гордость разночинца, желавшего, чтобы побольше «нашего брата» было на передовых позициях русской культуры».

Книга В. Ериилова способствует глубокому сознанию того, «что воспитание в себе человека и воспитание в себе художника представляют две стороны единого целого, что этика неотделима от эстетики, что красота и правда невозможны друг без друга, что человек станет хозяином, а не рабом своего таланта только при условии, если этот талант вдохновлен великой идеей».

Лучшими писателями Чехов считал тех, у кого «каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели». Чехов до боли глубоко чувствовал себя обязанным «ответить на главные вопросы», оторванность художника от общественной жизни была для него мучительна, представлялась ему аномалией, уродством. На анализе основных произведений Чехова («Горе», «Припадок», «Скучная история», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» и др.) В. Ериилов раскрывает страстность и напряженность идейных поисков Чехова. Постепенно моральный кодекс великого писателя «приобретал все более ясную общественную, политическую окраску».

В книге остро и принципиально поставлен

вопрос о новаторстве, неразрывно связанный с вопросом идейности искусства. В. Ериилов говорит о том, как изнутри взрывались старые, «осколочные», «лейкинские» традиции в юмористических рассказах Чехова. Это происходило так быстро, так неожиданно — «без стука», что Лейкин, как «кутки и уята в знаменитой сказке смотрел на молодого лебедя, считая его неправильным утенком». «Осколочное», обывательское зубоскальство было противно Чехову, как ненавистна ему была обывательская пошлость, вкусам которой потакали тогдашние юмористические журналы. Оставаясь в рамках жанра, Чехов «совершал чудо преображения жанра». Новая идея, новое содержание подчинили себе внешние, формальные признаки жанра, заставили их служить этому новому содержанию.

Чехов в своих юмористических рассказах-миниатюрах уничтожил то, что утверждали «Осколки» и «Развлечения», он бичевал пошлость, «уродство общественных форм». В. Ериилов приводит слова Горького о чеховских рассказах: «Никто до него не умел так беспощадно-правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни в тусклом хаосе мещанской обыденщины». Чехов насыщает рассказ-миниатюру философским, психологическим, художественным содержанием. Переплетая комическое с трагическим, он заставляет читателя пережить все глубины человеческих чувств. Своим упорным трудом выскательного художника, который, никогда не удовлетворяясь достигнутым, стремится к новым и новым высотам, Чехов, по словам Горького, сумел возвысить свой реализм «до одухотворенного и глубоко продуманного символа».

В. Ериилов показывает трудность борьбы, неровность пути, сложный процесс преодоления «лейкинщины», затем «суворинской опасности». Победа была одержана потому, что «как никто другой, Чехов умел взглянуть на всю современную ему действительность глазами будущего, потому, что неустанным воспитанием воли он добился внутренней свободы от всего того, «что отжило или отживает», и «ветер завтрашней свободы родины все сильнее, смелее дышал в его произведениях».

В. Ериилов так определяет одну из основных тем «Чайки»: «Не может существовать новаторство само по себе, оно возможно только как вывод из смелого знания жизни, оно возможно только при богатстве души и ума».

Точно и правдиво определен здесь смысл новаторства.

Читатель вспомнит одного из героев «Чайки», писателя Треплева, который стремился стать новатором, а превратился в жалкого формалиста, ибо камерно, искусственно, вне жизни, вне одухотворяющей идеи хотел создать новые формы. Читатель вспомнит беспощадную борьбу с формализмом, которую всегда вела советская литература. И ему станет ясно, насколько близки и дороги чеховские традиции нашей современности и какая жестокая, оскорбительная несправедливость связывать имя Чехова с людьми, у которых «в душе — хоть шаром покати», у которых все мелко, лживо, безидейно.

Чувство нового у Чехова было глубоким и всеобъемлющим. Чехов по-новому ставит тему труда, тему личного счастья.

«Как никто другой в мировой литературе до Горького, Чехов был вдохновенным поэтом труда... Отношение человека к труду было для него едва ли не важнейшим критерием оценки человека, — говорит В. Ериилов. Не жалкий, подневольный, ремесленный труд, а вдохновенный, полный живого смысла и творчества, труд, преодолевающий все препятствия, закаляющий человека для борьбы со злом, — вот содержание жизни. Без такого труда невозможна радость жизни, невозможно личное счастье. Чехов осудил «ленивое счастье» оптимистических обывателей, проповедовавших, что «жизнь хороша сама по себе», не менее строго, чем «свинское счастье собственника». Анализируя рассказы «Крыжовник», «Учитель словесности», «По делам службы», В. Ериилов делает заключение: «Событий в мировой литературе силой, глубиной, последовательностью Чехов разоблачает презренность, несправедливость собственного, своекорыстного «счастья».

В. Ериилов пишет: «В статье, посвященной повести «В овраге», Горький с мудрым проникновением в «тайное тайных» чеховского творчества сказал, что Чехов «как никто», в «ослепительно ясной форме» раскрывает в своих произведениях противоречие между стремлением человека быть лучшим и лучше жить».

Обывательское эгонистическое благополучие, стремление «лучше жить» самому, для себя и настоящее большое человеческое счастье ничего общего не имеют друг с другом. Эта тема приобретает большее значение для современной литературы.

В нашей литературе не раз ставился вопрос о различии и несоместности себялю-

бивого, мелкого «ленивого счастья» с теми великими, благородными идеями, которые руководят жизнью лучших советских людей.

С темой личного счастья тесно связан вопрос об оптимизме Чехова. «Нужно начать различать, — писал Горький, — социальный оптимизм писателя, явившийся результатом творческого проникновения в подлинный ход исторических процессов, от оптимизма, так сказать, «частного», который, переводя на несколько упрощенный язык, можно назвать «хорошим настроением» писателя и основным признаком которого нужно считать отсутствие идейной «собранности», «партийности».

В своей книге В. Ериилов доказывает, что чеховский оптимизм был трудным, требовательным, суровым, что он был связан отнюдь не с «хорошим настроением», а с верой в прекрасное будущее своей родины, с верой в русскую жизнь, в русских людей, с гениальной интуицией художника, позволившей ему проникнуть в «подлинный ход исторических событий».

В «Рассказе неизвестного человека» Чехов пишет: «Чтобы чувствовать себя свободным и в то же время счастливым, мне кажется, надо не скрывать от себя, что жизнь жестока, груба и беспощадна в своем консерватизме, и надо отвечать ей тем, чего она стоит, то-есть быть так же, как она грубым и беспощадным в своих стремлениях к свободе». Чехов никогда не жил иллюзиями. У него было достаточно моральной силы, внутреннего достоинства, чтобы сказать правду о жизни. Его оптимизм был глубоко выстрадан, завоеван им в схватке со злом жизни.

Социальный оптимизм Чехова был основой его мироощущения. Его вера в будущее ощутима, реальна и в целом ряде произведений последнего периода. Это будущее не за горами, не за тысячелетием, а где-то очень близко.

Книга В. Ериилова о Чехове ставит много животрепещущих, больших вопросов. Это новая, глубоко современная книга, которая развивает творческую мысль читателя, воспитывает его волю и чувства. Это книга о подлинном Чехове. Она призывает к высокой идейности и в жизни, и в искусстве, воспитывает волю, стойкость, умение преодолевать любые препятствия.